

Васечкин

Знойное лето 1968 года. Восьмая общага Новосибирского универа. Абитура. Много юных честолюбивых дарований, жаждущих познавать и ниспровергать. Моими соседями по комнате оказались двое выпускников физматшколы – Олег и Селим, а также Витя из Барнаула, окончивший там спецшколу с золотой медалью. Олег Тозарев – толстый увалень, часами лежит на койке, лениво перебирая струны гитары и напевая песенки Кукина, ибо заранее знает: он олимпиец, он поступит. Витя – полная его противоположность. Этот зубрила не только сам решает задачки по математике дни напролет, но и меня заставил жить этим адским ритмом. К сожалению, он не поступил, с треском завалив физику. А вот Селим очень скромен, сидит себе в уголке и скрипит шариковой ручкой. Только не к экзаменам он готовится, потому что учебников у него не видно. Как-то я решил любопытствовать, что это он там пишет. Подошел поближе и вижу: на специальном бланке он торопливо наносит какие-то непонятные значки, как шифровальщик из шпионского фильма. На мой вопрос: «что это за китайская грамота?» он ответил: «Программу пишу на языке Альфа». Это мне ничего не говорило, и Селим пояснил, что для решения задач на вычислительных машинах программы пишут на специальных языках программирования. Одним из них является язык Альфа. Я был потрясен, ибо все, что он говорил мне, я слышал впервые. Тогда-то я впервые от него и услышал это слово заграничное «компьютер», так как в нашей литературе их называли «электронные цифровые вычислительные машины», сокращенно – ЭЦВМ. Мог ли я тогда предположить, что большая часть моей жизни будет прямо связана с компьютерами.

При обучении в университете я живьем компьютеров не видел, а практикум по программированию на языке Алгол-60 как-то не запомнился в силу своей краткости. Зато после распределения на практику в Институт ядерной физики шеф заставил меня за неделю выучить язык Фортран и писать программы для расчета траекторий заряженных частиц. Видя, что это дело у меня получается неплохо, он поставил мне задачу по расчету оптики генератора Гирокон, которая стала темой моего дипломного проекта. Через год после окончания университета я уже работал на Вычислительном центре и с компьютерами общался ежедневно и по многу часов. Это было время расцвета БЭСМ-6, перфокарт и перфолент. Профессионалы читали комбинации дырочек на перфокартах так же свободно, как слепой азбуку Брайля. Тут же в коридоре отдела информатики приятель рассказал мне о том, как он работал на первых в своей жизни машинах, которые, кажется, назывались «Проминь». Размерами и формой они напоминали небольшую стиральную машину в верхней крышке которой имелись ряды прорезей для команд. Сами команды представляли собой узенькие металлические полоски, похожие на полотно ножовки по металлу. Различались команды формой вырезов на полотне. Скажем, команда сложения имела два прямоугольных выреза. Висели эти «команды» тут же на стене на гвоздиках. Суть набора программы заключалась в том, чтобы вставить нужные команды в прорези в определенном порядке. По завершении этих манипуляций включалась большая красная кнопка с надписью «Пуск», и вычислительная машина начинала громко стучать и вибрировать

всем корпусом, прямо как стиральная машина, поскольку была она электромеханической и приводилась в действие мощным электродвигателем. По завершении вычислений этот монстр замирал, и в верхнем ряду загорался ряд неоновых лампочек, по которым можно было прочесть двоичный код с результатами расчета. В начале рассказа я думал, что Серега меня просто разыгрывает, подобно тому, как на флоте салаги заставляют напильником полировать якорь. Однако вид у него был вполне серьезный, так что я не смог определить точные границы между истиной и фантазией в его рассказе.

Позже появились цветные графопостроители, дисплеи и терминалы, затем эра маразма машин ЕС, бездарно передранных с американских IBM-360. Эта эра, к счастью, продолжалась недолго и рухнула вместе с прогнившей нашей системой. А главным подарком перестройки стал персональный компьютер, который радикальнейшим образом перевернул жизнь профессионалов. Вычислительный комплекс БЭСМ-6 занимал не одну сотню квадратных метров площади, монтировался в особых помещениях на виброзащищенных фундаментах. В подвальных этажах стояли мощные кондиционеры, которые с шумом гнали сотни кубометров воздуха для охлаждения микросхем. Специальная мощная система энергопитания была снабжена дублирующей аварийной линией на случай внезапного отключения электроэнергии. Дело в том, что магнитные барабаны этого комплекса вращались с немыслимой скоростью – десятки тысяч оборотов в минуту. Простое отключение питания сразу означало поломку этих дорогостоящих устройств. В комплекс входили зал магнитофонов, зал дисковых устройств, зал внешних устройств, в котором на расстоянии двух метров уже невозможно было разобрать человеческий голос от неистового грохота устройств быстрой печати. Кстати, эти устройства по нынешним понятиям печатали просто безобразно, буквы в строчке прыгали, и шрифт был один единственный, в нем не было заглавных и строчных символов, равно как наклонных и жирных. Воображение просто поражал и подавлял центральный пульт, на вертикальных панелях которого непрерывно мигали сотни неоновых лампочек, а на горизонтальных теснились сотни кнопок, включающих или блокирующих немыслимую армаду внешних устройств. Целая армия – более сотни людей – обслуживала этот «супермозг»: инженеры, программисты, диспетчеры, электрики и сантехники. От каждого из них я был полностью зависим. Стоило поспорить с диспетчером, и твои задачи тут же отодвинут в фоновый режим. Кроме того, завтра будет месячная профилактика, потом зациклит магнитная лента, а колоду перфокарт нещадно изомнет и перепутает вводное устройство, поскольку эту колоду в сердцах швырнула во входной карман молоденькая девушка оператор, поспорившись с очередным любовником. Результат получишь через неделю, если повезет – это я вам точно говорю. Ибо нас много, а машина одна. Мой знакомый Ваня Икрынов хорошо знал, как ускорить процесс прохождения задачи. Диспетчерам к 8 марта – по гвоздике и шоколадке, знакомую операторшу – не забыть ласково ущипнуть за попку... Ну, это целая наука – долго рассказывать.

Первый же увиденный мною персональный компьютер IBM PC-286 превосходил старушку БЭСМ-6 по всем параметрам. Он имел оперативную память в один мегабайт, а у БЭСМ-6 стандартный модуль включал 32 тысячи шестибайтовых слов, то есть раз в шесть меньше. Но ведь для персонального компьютера это была минимальная память, а сейчас на моем компьютере стоит шесть гигабайт, а ёмкость жёсткого диска исчисляется терабайтами. Что же касается внешней памяти, те восемь гигабайт, которые определяют ёмкость жесткого диска моего компьютера, представляются совершенно невероятной, фантастической цифрой для комплекса БЭСМ-6. В свое время при переходе из Вычислительного центра в соседний институт мне пришлось

переносить свое программное «хозяйство», которое едва умещалось на 13 магнитных лентах и двух дисках. Я бы не смог его зараз даже приподнять, в то время как наработанные за многие годы на «персоналке» спокойно умещаются на коробочке дискет, которую можно засунуть в карман. Реальное быстроедействие даже самых первых персональных компьютеров, на которых мне довелось работать, значительно превосходило производительность БЭСМ-6. Здесь даже считать ничего не нужно, сопоставляя мегагерцы и мегафлопсы. Просто на БЭСМ-6 типовой режим работы заключался в том, что запускаешь свою задачу в общий поток и идешь домой. Если повезет, результат увидишь только завтра, и не на экране, а на рулоне серой бумаги. Графика, конечно, была, но все равно считалась экзотикой и вершиной передовых технологий. И все же самое главное не в этом. На БЭСМ-6 не то, что магнитная лента, элементарная ячейка памяти или диод не могли принадлежать мне. Все это было «общенародной собственностью», принадлежало государству, то есть реально – всей этой немислимой ораве чиновников и, прежде всего, начальникам любого ранга. Я был полностью от них зависимым, и, когда однажды я поссорился со своим завлабом, он закрыл мой шифр в БЭСМ-6 и арестовал мои ленты. Всего одна маленькая служебная записка, и у меня отняли все результаты многих лет работы, мои программы, жизненные планы, мечты, фантазии. Вот уж действительно – раб КПСС! Я, конечно, выкрутился тогда, но это совсем другая история.

Прошло несколько лет, и вот первый в моей жизни персональный компьютер стоит у меня дома на рабочем столе. Он был не совсем мой, поскольку был выкуплен за счет хоздоговорных тем центром НТТМ, а значит, принадлежал райкому комсомола, который был организатором этого центра. Но кто же станет обращать внимание на такие мелочи. Главное, я мог принести его домой и работать с ним так, как считаю нужным. Стоил он безумно дорого – 50 тысяч рублей, то есть примерно в десять раз дороже официальной стоимости автомобиля «Жигули». Ставить его дома было весьма рискованно, ибо кражи компьютеров тогда были самым прибыльным делом. Так оно и оказалось, через год его у меня украли, но за это время я на нем успел заработать деньги, чтобы купить гораздо более мощный и современный компьютер.

На персональном компьютере я делал примерно то же, что и раньше на БЭСМ-6 – разрабатывал программы для проектирования самых разнообразных приборов физической электроники: от электронных микроскопов и приборов ночного видения до мощных СВЧ-генераторов и ускорителей заряженных частиц. Только раньше я это делал, получая зарплату мэ-нэ-эса 110 рублей и раз в году премию в размере одного-двух окладов. Возможности каких-либо подработок на научной ниве были просто эфемерными, поэтому летом я вливался в поток других научных шабашников, которые строили коровники, элеваторы или жилые дома в сельской местности. Я, например, строил дома, работая подручным профессионального каменщика-алкоголика, который смотрел на меня свысока, наблюдая, как я запрягаю лошадь, чтобы привезти кирпич на объект. Приход персональных компьютеров в нашу жизнь совпал с радикальными изменениями товарно-денежных отношений. Впервые я мог сам лично, не спрашивая соизволения никаких начальников, заключать договора, из которых выписывал себе и своим сотрудникам зарплату и премии. А то, что я производил всю свою научную жизнь, впервые стало называться товаром.

Всякий товар нуждается в красивой упаковке. Приличный пакет прикладных программ должен иметь хорошую документацию и привлекательный интерфейс. Документацию я делать умел, хотя большинство людей это делать страшно не любят. Содержание пакета требовало профессиональных знаний физика и математика, а интерфейс способен сделать толковый системный программист. В то время под хорошим интерфейсом понималась некая система цветных окошек с элементами меню,

которые либо вводят какие-то данные, либо вызывают какие-то действия, например, «показать картинку» с результатами расчета. Все эти окна и меню рисовались в текстовом режиме. Сделать такую программную оболочку теперь способен даже талантливый школьник, но только потому, что сейчас для этого есть масса мощных инструментальных средств. В то не такое уж и далекое время ничего подобного не было, все нужно было писать самому в операционной системе MS DOS, набирая тексты в редакторе оболочки Norton Commander.

Системные программисты всегда считались некоей элитарной частью публики. Эта значительность нередко бывает зафиксированной у них прямо на лице. Оно и понятно, так как системщик знает такие интимные стороны жизни компьютера, о которых рядовые программисты даже не догадываются. Сплошь и рядом можно встретить ситуацию, когда о талантливом системной программисте ходят буквально легенды. Когда мне понадобился такой программист, я ознакомился с бытующими в нашем институте легендами, и мой выбор пал на Игоря Васечкина. Есть на Руси такое расхожее мнение, что если человек талантлив, то он обязательно пьет. Это как бы некая обязательная компенсация за талант, соблюдаемая природой. По этой причине с талантами всегда бывают те или иные проблемы общения.

Игорю было на вид лет двадцать пять, не более, однако большую часть волос на голове природа забрала назад, может быть, за какие-то грехи. Кроме того, он был очень сильно близорук, очки носить не желал, и потому постоянно щурился. Когда же сидел за дисплеем, то лоб его почти упирался в экран. Талантливый человек, естественно, не может быть как все: к полдевятого приходил на работу и сидеть там до полшестого с кратким перерывом на обед. Настоящий талант работает обязательно ночью, когда остальные люди спят и не докучают ему своими глупыми вопросами. По всем этим косвенным признакам у Васечкина был не просто талант, а огромный талант. Встретиться с ним было не просто. Надо оставить ему записку с просьбой о встрече на рабочем столе и ждать, ждать. Дождался и я. Объяснил задачу. Хотя она была не из простых, Игорь ничего не записывал. Он схватывал мысль прямо на лету, лишь иногда кивая головой: мол, все ясно, дальше. Закончив с постановкой, я обрисовал вкратце объем работы, сроки, диктуемые заказчиком, и перешел к главному – вопросу об оплате. Опыта тут у меня не было никакого, поскольку нанимал я программиста впервые. До этого момента все программные разработки я делал сам, но сейчас меня поджимали предельно короткие сроки.

Как вообще оценить стоимость научного труда, да и любого другого? Надо сказать, что хотя наш первый вождь и сказал, что «социализм – это учет и контроль», на мой взгляд, при социализме стоимость труда никто никогда по-серьезному не считал, ни Госплан, ни ОТИЗ любого предприятия. В этом не было острой необходимости, поскольку главный принцип распределения при социализме заключается в том, чтобы государство забрало у работника все, что он там накопырял, а потом отдало ему ровно столько, чтобы он на эти деньги смог съесть хлебную котлету и завтра снова выйти к станку или в поле. Зачем тут что-либо считать? Но ведь ты же заключаешь с заказчиком договора на конкретные суммы, откуда же они берутся, эти цифры? – спросите вы. А я отвечу, не задумываясь, потому что имею двадцатилетний опыт ведения договоров. Мы заключаем договора на те суммы, которые фактически есть у заказчика, а затем делаем ему за эти деньги то, что способны сделать. Только одни делают похуже, а другие – чуть получше. С суммой денег качество работы никогда прямо связано не было. Вся новизна перестройки заключалась в том, что раньше эти деньги перечислялись в институт и пропадали куда-то в чёрную дыру, а ты получал столько же, сколько получал бы, не выполняя никаких договоров, либо чуть больше. Премии в академических институтах были разрешены

лишь в тех случаях, если постановлением Совмина тема была проведена, как «особо важная», а сама премия в этой бумаге была оговорена особой строкой. Теперь же эти деньги поступали на счет НТТМ, и я мог определенную их часть (около половины, в среднем) выплатить в виде зарплаты. Так что саму сумму договора и сейчас считать и научно обосновывать не было необходимости. Не было рынка научных разработок, не было и конкуренции. Новым было также и то, что деньги ты получал не в виде ежемесячной зарплаты, как раньше, а лишь сдав заказчику работу и подписав акты сдачи-приемки. Так что за одну и ту же работу ты мог получить очень разные деньги, в зависимости от общей суммы договора, а не от сложности и квалификации работы.

Прикинув всё это, я взял четвертую часть от фонда заработной платы моего договора, как предельную сумму, которую я могу заплатить программисту, поскольку заказчику я сдаю не только интерфейсную оболочку, но и сам пакет, на разработку которого у меня ушли годы. Эта сумма составила полторы тысячи рублей. Она равнялась годовой зарплате Васечкина в институте, а срок выполнения работы был установлен месяц-полтора. Однако сумму я называть не стал, а спросил Игоря, в какую сумму он сам оценивает стоимость своей работы. Он замялся и сказал, что сейчас это трудно даже оценить, надо сначала погрузиться в работу, чтобы понять ее сложность. Однако со сроками он согласился безоговорочно. Тогда я предложил вернуться к обсуждению этой темы в любое удобное ему время.

Однако, тут Васечкин поставил первое условие: свободного компьютера у него нет, он будет выполнять работу на моем компьютере. Я счел это разумным. Тогда он выставил второе условие: компьютер будет стоять у него в комнате, так как ходить работать по ночам в мою комнату ему не с руки. Это было уже совсем неудобно мне, но я согласился, считая, что месяц можно и потерпеть. Дело в том, что компьютер принадлежал этому же заказчику. Рынка компьютеров тогда в нашей стране также не было, наш НТТМ закупал их мелкими партиями и поставлял заказчикам в рамках того же договора, по которому я поставлял заказчику свой пакет программ.

Через неделю Васечкин уже демонстрировал мне работу своей программы, в которой меню и цветные окна управлялись «мышкой». Я пришел в восторг, поскольку такого качества интерфейс был тогда лишь у таких фирм, как Майкрософт или Борланд, а большая часть наших подделок выводила на черный экран строчку с вопросом: «Сколько электродов содержит Ваш прибор?», в ответ на который Вы должны были, например, нажать клавишу с цифрой «4». Как и полагается настоящему системному программисту, Васечкин писал программу на языке Си, которым тогда владели лишь немногие профессионалы. Но даже встроенные русские шрифты у системы программирования отсутствовали, их приходилось кодировать самому вручную, заполняя битовые массивы точек. Описание механизма управления «мышкой» можно было найти только в фирменной документации на английском языке. Сейчас все это кажется смешным, но тогда в магазинах не было ни единой книги, которая могла бы быть полезной при программировании на «персоналке». Словом, я был страшно рад, что мне так повезло с программистом, и мой пакет будет выглядеть совершенно «фирмово».

Днём я приходил работать на компьютере в комнату Васечкина. Как ни странно, еще через неделю его работа не продвинулась ни на шаг по сравнению с той первой демонстрацией. Игорь лишь экспериментировал со шрифтами, пытаясь сделать их более привлекательными с помощью «тени», которая обрамляет каждый символ. На мой взгляд, оставшаяся часть работы была куда более важной, по сравнению с этими внешними эффектами, но я не стал вмешиваться в работу мастера.

Однажды, придя в комнату Васечкина, я увидел на клавиатуре записку: «Компьютер не включать, он заражён вирусом». До этого момента я полагал, что

вирусы – это такие микроорганизмы-паразиты, которые проникают в организм хозяина и поражают его иммунную систему тем, что размножаются с огромной скоростью.

При встрече с Васечкиным я начал его расспрашивать, что это за вирусы, и как они проникли в компьютер. Мастер прочёл мне лекцию для «чайников». Компьютерные вирусы – это специальные вредоносные программы, назначение которых парализовать работу компьютера. Они делятся на «червей», просто захватывающих память и забивающих её мусором, «троянов» – более хитрых программ, которые присасываются к исполняемым программам и блокируют их работу, либо уничтожают отдельные файлы, а то и всю файловую систему. Есть ещё сетевые вирусы-шпионы, которые собирают конфиденциальную информацию на компьютере и передают её запустившему вирус хозяину, тем самым взламывая систему защиты компьютера. Но сетевых вирусов у нас быть не может, поскольку компьютер не подключён к сети.

– Как же, в таком случае, они проникли в наш компьютер?

– Обычно через заражённую вирусом дискету, – ответил Васечкин.

– Но я вставлял дискеты только с моими программами. Откуда там вирусы?

– Это я сделал по неосторожности. Я достал вирус нового типа, хотел разобраться под отладчиком, как он устроен, но он вырвался на свободу. Да Вы не волнуйтесь, у меня есть антивирусные программы. Посижу сегодня вечером, всё вычищу, как надо.

Так я впервые познакомился с новым направлением в программировании. Это дало мне опыт дальнейшей работы, заставив изучить средства антивирусной защиты, а также приёмы защиты своих программ от несанкционированного копирования. Хорошо, что первые уроки я получил, когда эпоха разработки вирусов была в самом начале, и бороться с ними было достаточно просто, так что за всю свою дальнейшую деятельность я не потерял ни одного из своих многочисленных пакетов программ.

– Кто же и зачем делает этих паразитов? – с удивлением спросил я. – Наверное, какие-то программисты-неудачники, отягощённые комплексами неполноценности.

– Ош-шибаетесь, уважаемый, – тоном превосходства заявил Васечкин. – Делают их люди совершенно особенные. Называют их хакерами. На Западе программное обеспечение стоит достаточно дорого, и разработчики стараются защитить его от копирования. Иначе, один пользователь купит программу и станет бесплатно раздавать своим знакомым или продавать всем другим дешевле, чем это стоит на рынке. Разработчики терпят убытки, потому и стараются сделать защиту похитрее. Знаете ли Вы, что 95% всего программного обеспечения в России представляет взломанные хакерами программные продукты?

Я об этом что-то слышал, но объёма нелегальной продукции не представлял. Получается, что хакеры нам, пролетариям умственного труда, оказывают бесценную помощь, иначе мне не хватило бы никаких денег приобрести все те системные продукты, без которых компьютер представляет собой лишь грудку неработающего «железа». Они экспроприируют экспроприаторов по призыву Ильича. Сам я, конечно, тоже маленько экспроприатор, но не дорос даже до «кулака». Вот Васечкина нанял первым. А так, чаще занимаюсь натуральным хозяйством, обменивая свои программы на чужие.

– Вот на Вашем компьютере, – продолжал Васечкин, – все системные программы, строго говоря, ворованные. Правда, сами Вы их не воровали, а получили от других. Значит, Вы – соучастник.

– Это я понимаю, насчёт взлома. Здесь хакеры нам помогают, но зачем они делают вирусы?

– Изготовление хитроумных вирусов – это как участие в чемпионате. Победитель становится чемпионом, и после этого он стоит совсем других денег.

На этот момент глаза Васечкина горели огнём, и его шуплая сколиозная фигура распрямилась, заметно увеличиваясь в объёме. Его речь была триумфальной:

– Хакеры – это элита программистов. Может, лишь один из тысячи программистской шелупони становится настоящим хакером, СП особным ограбить любой банк тихо, без выстрелов, просто взломав его защиту и переведя денежки на свой счёт, скажем, в Швейцарии или на Бермудских островах. А самые крутые могут взломать защиту секретных сайтов министерства обороны любого государства и продать секреты за такие денежки, на которые можно всю оставшуюся жизнь валяться на пряжах Ниццы или тех же Бермудов.

Сущность Васечкина в этом кратком диалоге открывалась мне гораздо глубже, чем это могло открыться за годы обычной работы. Чтобы узнать человека глубоко, нужно разговорить его на самую интересную для него тему. Так, случай с вирусами, помог мне понять, что Васечкин, поди, уже считает себя элитным хакером. Вот только вырвавшийся из его рук на свободу вирус и отсутствие реального жизненного опыта не заставили его осознать, что воры и взломщики чаще сидят на нарах, чем глотают воздух свободы.

Я лишь недоумевал, когда Васечкин бросал загадочные фразы типа: «Не нравится что-то мне этот компилятор фирмы Майкрософт. Я уж подумываю, не переписать ли мне все это на языке Модула-2?». Я в ужасе думал: «А как же сроки? Ведь заказчик их не перенесёт даже на неделю», но Васечкин был спокоен, как олимпиец. Когда и на следующей неделе я не увидел на компьютере ни малейших продвижений в работе, я подумал: «Может мне его подтолкнуть, простимулировав материально? Например, выписать аванс. И я выписал ему 200 рублей, что было намного больше его месячной зарплаты в институте.

Когда я вручил Васечкину указанную сумму, реакция на это мое действие было полностью противоположной той, на которую я рассчитывал. Он сначала побледнел, затем вспотел от напряжения и наконец выдавил, заикаясь:

– Я даже представить не мог, что Вы так низко оцените мою работу.

– Ну что ты, Игорёк, – сказал я, – зачем так нервничать? Мы ведь не интимные проблемы взаимоотношения полов решаем, а текущие деловые. Вспомним, что мы договаривались об оплате только по результатам сделанной работы. Я просто решил немного расшевелить тебя, выписав аванс. Что же касается стоимости работы в целом, то я спросил тебя об этом перед началом работы, а когда ты не смог ответить на этот вопрос, я предложил обсудить его в любое время, когда это тебе покажется удобным. Ну а раз я так и не услышал до сих пор от тебя ответа, то могу сообщить тебе, что, исходя из общей стоимости договора, я считаю, что твоя работа может быть оценена в полторы тысячи. Если ты не согласен, лучше об этом сказать прямо сейчас.

Васечкин молча сунул деньги в карман и ничего не добавил. Я считал инцидент исчерпанным, а мой жизненный опыт обогатился новыми психологическими деталями. Дня через два, вечером ко мне домой заявляется Игорь и начинает извиняться за все происшедшее. Потом он говорит:

– Мне сейчас крайне неудобно, но у меня есть личная просьба на ту же тему. Дело в том, что моя сестра через пять дней выходит замуж, и мне нужно сделать ей к свадьбе подарок, поэтому мне очень нужны деньги. Я хотел бы у Вас попросить их взаймы, в счет моей работы. Мне нужна сумма в тысячу рублей.

Я заявил ему, что верю в его честность и готов дать ему эту сумму, при условии, что он гарантирует мне сдачу работы точно в оговоренные сроки. Он дал мне слово, и я вручил ему тысячу. Всю следующую неделю я не видел Васечкина, что меня несколько не беспокоило, потому что я и раньше не часто его видел, раз уж он

работает по ночам. Однако, через несколько дней ко мне подошел его начальник и спросил:

– Вы не видели моего Васечкина? Насколько я знаю, он последнее время с Вами работает. А тут исчез и не появляется. Мне же на него табель выходов заполнять, вдруг он, упаси боже, под поезд, к примеру, попал, а я ему записываю выхода на работу. Это же уголовное дело.

Я ответил, что и сам бы рад его видеть. Тогда начальник мне сообщил, что по его сведениям, Васечкин развёлся с женой, прописан в одном месте, а комнату снимает в другом, где-то в Ельцовке. А где именно, знают только его близкие друзья, так что найти его, действительно, не просто. На том мы и расстались.

Я понял, что та часть работы, которую делал Васечкин, теперь наверняка под угрозой срыва, и мне нужно принимать какие-то аварийные меры. Запасной Вариант был таков. Месяц назад на конференции в Виннице ко мне подошли двое коллег из Питера, из Института аналитического приборостроения. Один из них, заведующий сектором, сказал мне, что им бы очень хотелось пользоваться моим пакетом для расчетов своих приборов. Проблема же в том, что они, как и мы, работают в академическом институте, и своих денег у них, конечно, нет. Но тут возникает предложение: его сотрудник, Саша имеет значительный опыт в разработке интерфейсных оболочек для пакетов прикладных программ, и даже создал для этих целей инструментальные средства. Предлагается такой союз: Саша сделает для моего пакета удобный интерфейс, а я затем передам в их институт готовый программный продукт. Тогда в Виннице я дипломатично ответил: «А почему бы и нет?». Теперь же это их предложение оказалось как нельзя кстати. Я позвонил в Ленинград и попросил Сашу вылететь, не откладывая. Через неделю он уже был в Новосибирске, и я оставил его у себя дома, чтобы не терять драгоценного времени. Работали мы плотно на моем домашнем компьютере. Саша шелестел по клавишам с немыслимой быстротой, и уже через 3-4 дня на экране замелькали окна и меню. Писал Саша в среде Турбо Паскаль, и все то, что он накропал, было совершенно непохожим на работу Васечкина, но не менее красивым. Правда здесь я уже восторга старался не высказывать, помня, что и у первой работы старт был лихой. Вместе с Сашей приехала Оля из того же института. Ее задача состояла в том, чтобы освоить мой пакет, а затем самостоятельно эксплуатировать его уже в Ленинграде. Когда она прошла этап предварительного знакомства с пакетом, им вдвоем стало тесно работать на одном компьютере, и мы договорились, что Саша продолжит работу в моем институте, на той же машине, где Васечкин делал свою работу.

Саше потребовалась ровно одна неделя, чтобы его интерфейс заработал в комплексе с моим пакетом. Это был впечатляющий результат. Такое стало возможным лишь потому, что у него действительно был создан весьма мощный инструментальный комплекс для разработки программных интерфейсов. Тем временем по институту пронеслись слухи, что Васечкина видели где-то в городе. Ещё через несколько дней слухи сгустились до утверждения, что его видели в академгородке. Следующим шагом, несомненно, должна быть материализация духа Васечкина в институте. Она и состоялась в один из дней, когда мы с Сашей работали за компьютером в его комнате. Васечкин вошел, поздоровался и начал заинтересованно смотреть, чем это мы там занимаемся, но вслух ничего не произнес. Еще через пару дней Саша с Олей уехали, увозя свою готовую работу вместе с моим пакетом. Затем появился Игорь и с горькой обидой сказал:

– Выходит, что теперь моя работа Вам уже не нужна?

– Совсем наоборот, – ответил я, – она весьма нужна, тем более, что я практически оплатил ее, хотя результатов работы пока не вижу. Разве я не выполнил какие-либо из

своих обязательств? А вот Вы, Игорь, уже сорвали сроки. Тем не менее, все наши договоренности остаются в силе. Двух недель дополнительно к ранее назначенному сроку Вам хватит, чтобы завершить работу и сдать ее мне?

Васечкин ответил, что хватит, и я оставил его в покое. Но и через неделю я видел, что его работа не сдвинулась ни на шаг. Великий программист был уязвлен тем, что раньше он считал себя абсолютно незаменимым и полагал, что такую работу никто, кроме него, сделать не в состоянии. А теперь вот она, уже готова, и зачем ему, в таком случае, что-либо делать ещё. Тем временем, я узнал от приятелей Васечкина, его пропажа объясняется тем, что он подцепил огненно рыжую деваху и три недели гужевался с ней в Сочи, а вернулся он, лишь когда кончились деньги. Так вот куда делась моя тысяча. Прямо как у Ильфа и Петрова сюжетик.

За неделю до сдачи работы позвонил заказчик из Москвы и сообщил, что билеты на самолет уже взяты, прибудет точно в срок. Я оставил Васечкину записку, чтобы он подготовил компьютер для сдачи заказчику. В день ожидаемого прилёта клиент не появился, задержавшись на двенадцать часов из-за нелётной погоды. На самом деле, клиентов было двое, Валентин и Володя. Целый день я провел с ними в институте, демонстрируя работоспособность своего пакета. Они тут же подписали мне акты приемки, а компьютер я уже подготовил к сдаче заранее. Убедившись, что в работе Васечкина никаких сдвигов так и не появилось, я сбросил на дискету его материал, а в компьютере все его работы тщательно удалил. Как и принято, вечером нас ждал товарищеский ужин у меня дома с возлияниями по поводу успешного завершения очередной работы. Ужин дополнялся также просмотром забойных видеофильмов, которые в ту пору были достаточно большой редкостью в квартирах, а просматривались, главным образом, в видеосалонах. К шести часам мы упаковали компьютер в коробки, а москвичи заказали такси, чтобы отвезти его в свой номер гостиницы, откуда мы должны были направиться ко мне домой. И тут на пороге возник Васечкин.

Вид у него был какой-то совершенно потрясённый. Такой вид может быть, например, у человека, который вернулся с работы домой и вдруг видит, что какие-то наглецы и проходимцы выносят из дверей его квартиры любимый рояль. Я поздоровался, а Васечкин сказал, тыча пальцем в направлении компьютера:

– Но там же мои программы!

– Были, – ответил я, – а теперь там их нет. Я ведь предупреждал, чтобы ты подготовил компьютер к сдаче. Пришлось заниматься этим самому. Но я удалил всё, без остатка, поскольку работа не сделана. А саму работу я записал на эту дискету.

И я протянул ему эту дискету, но Васечкин её даже не заметил.

– Но там остались и другие мои программы, и конфиденциальные данные. Я бы хотел их удалить.

Я попытался напомнить, что у нас совершенно нет времени, нас ждёт такси с включённым счетчиком, но Васечкин хныкал:

– Это секундное дело. Давайте соберем компьютер. Я мигом.

Я взглянул на заказчиков, они кивнули: «Ну, раз мигом, пусть делает».

То, что произошло далее, я не могу до конца понять и по сей день. Васечкин мигом собрал машину, включил её и не раздумывая запустил какую-то программу, после чего на экране с немыслимой быстротой стали мелькать какие-то цифры. Всё это продолжалось, действительно, не более двух минут, после чего Васечкин выключил машину.

– Постой, – осадил его я, – давай убедимся, что всё остальное осталось на своих местах и работает нормально.

– А там уже ничего нет, – не моргнув глазом, ответил Васечкин. Тишина, которая повисла в комнате, была зловещей. Я и двое москвичей оцепенели. В такие минуты кажется, что ты уже сошел с ума, настолько всё, что ты видишь дико, нелепо и алогично. Полгода длится работа, ты сдаешь её по всей форме заказчику, подписаны все акты... и вдруг через две минуты ничего нет, как будто и не было.

Когда мы вышли из состояния комы, я, потрясенный, спросил:

– То есть, как это нет?.. А где же оно?.. И что ты сделал? Объясни им, – махнул я рукой в сторону заказчиков, которые обалдело вращали зрачками, как будто вместо стакана водки хватили по стакану керосина.

Васечкин помолчал довольно долго, словно профессиональный двоечник у доски, а потом забормотал:

– Да я это... я нечаянно... так получилось. Я отформатировал диск.

Надо сказать, что взгляды москвичей на возможности и роль компьютеров в нашей жизни в эти секунды были радикально пересмотрены. Они-то видели компьютер, может быть, третий раз в жизни. Теперь они явно считали, что компьютер – это весьма опасная штука, а работа программиста сродни работе минёра: одно неверное движение, случайное нажатие не той клавиши – и все в пыль!.. Тут я взбеленился:

– То, что ты наделал и зачем, это мы завтра обсудим, а сейчас скажи, что будем делать, если учесть, что завтра в семь утра заказчики отбывают в аэропорт и летят домой? Ведь там не было твоей работы вовсе, я тебе русским языком сказал. Зато моя была, и была она в полном порядке. Что теперь делать, чёрт тебя подери?!

– Я постараюсь всё восстановить – пролепетал Васечкин.

Ясно было, что наш вечер безнадежно испорчен, и мы должны забыть о товарищеском ужине и видеофильмах. Мы отвезли компьютер в гостиницу «Золотая долина» и сообщили номер комнаты Васечкину, который должен был явиться для восстановления стёртых программ. Он пришёл минут через пятнадцать. В течение этой паузы мои клиенты, уже немного отошедшие от пережитого потрясения, вежливо поинтересовались относительно психической полноценности моего гениального системного программиста. Я отмалчивался, потому что никак не врубался в логику этой совершенно абсурдной ситуации. Васечкин пришел с четырьмя коробками дискет. Работал он молча, но лишь через 30-40 минут на экране появились голубые окна Нортон Коммандера и стала видна структура каталогов. Мы облегченно вздохнули, решив, что все восстановлено. Радость, однако, была преждевременной, потому, что все файлы длиной более 32 килобайт оказались безнадежно испорченными. Стало ясно, что работа займёт не один час. Конечно, теоретически, мы могли бы спуститься в ресторан гостиницы и поужинать, поскольку делать нам было совершенно нечего, но даже сама мысль об этом нам казалась дикой после того, что произошло. Было очевидно, что компьютер без присмотра нельзя оставлять ни на минуту. После этой истории мы не удивились бы ничему, даже если из компьютера полезли бы черти с рогами.

Володя сбегал в буфет, принёс пирожки и по бутылке газировки. Мы жевали эти чёрствые пирожки и ни на минуту не отводили бдительных глаз от экрана дисплея. Только часа через три Васечкин встал из-за стола и сказал, что работа закончена. После чего он пробормотал: «до свидания!» и исчез за дверью. Теперь за компьютер сел я и быстро убедился, что всё сделано лишь по минимуму, ибо за три часа не запишешь на диск все то, что заботливо укладывал по полочкам полгода. Я быстро восстановил пакет со своих дискет, убедился в его работоспособности, и решил, что остальное можно восстановить позже. Затем я выключил компьютер: «Ну что, мужики, пойдём, воспырнем этот незабываемый вечер?». Валентин решительно отказался, сказав, что уже поздно, он устал, а завтра рано вставать. Его можно понять, он был язвенником. А

Володя согласился. Пришли мы уже часам к 11, посидели часов до трёх, в меру выпили, а Володе ещё весьма понравились видеофильмы. Затем я проводил его до гостиницы.

На следующий день я пришел на работу попозже, решив, во что бы то ни стало дожидаться Васечкина. Когда он вошел в комнату, я предложил спокойно:

– Ну что, друг, устроим разбор полетов?

Мне было потрясающе интересно узнать, зачем же он это всё проделал. Поведение Васечкина и на этот раз было совершенно неожиданным. Он ринулся в сабельную атаку:

– Вы меня извините, но так кричать на меня, как это было вчера, я не позволяю даже моему начальнику, с которым я работаю семь лет. И вообще, впредь я требую, чтобы ко мне обращались только на «Вы». Я не позволю...

– Да разве ж я кричал? – изумился я. – Впрочем, это не важно. Что же касается обращения, уважаемый Игорь Николаевич – тут проблем никаких нет. Каждый человек вправе требовать того обращения, которое ему больше по душе. Если бы Вы даже потребовали обращаться к Вам, используя титул «Ваше величество» или даже «Ваше святейшество», для меня и это не проблема, поскольку интересам того дела, которое нас связывает, это не вредит. Но вот в чем действительно проблема. Я заплатил Вам 1200 рублей и трижды переносил сроки сдачи работы, а работы до сих пор нет. Мысленно я давно уже списал эти деньги в чистый убыток, поскольку уже не надеюсь, что Вы их отработаете. Но это ещё не все. Меня с этим и другими заказчиками связывает многолетняя работа. Они мои кормильцы в самом прямом смысле этого слова. Они обращались и обращаются ко мне потому, что уверены – Иванов не подведёт, потому что он не подводил ещё ни разу. Вот это доверие, называемое иногда престижем, стоит действительно очень дорого. И своим вчерашним поведением Вы нанесли мне такой убыток, который Вы не сможете компенсировать за всю свою жизнь. Итак, прошу Вас ответить, Вы намерены вернуть мне деньги или сдать работу в течение недели?

– Я доделаю – ответил Васечкин.

С тех пор я его больше не видел, зато приобрел бесценный опыт в изучении природы человека. А разве такой опыт не стоит 1200 рублей? Тем более, что все деньги, которые я заработал в это время, через три года сгорели во время павловской реформы.

Васечкин же, скорее всего, что-то взломал и сидит себе тихо в тюрьме, поскольку не осознал, что программист – это творец, созидатель, демиург, а хакер – разрушитель и мелкий бес.